

ЛЕОНИД ВАЙНЕР

1

О его детстве и юности сведения скудные... Известно, что Леонид Исаакович Вайнер родился в тысяча восемьсот сорок восемь году, в семье ремесленника. Рано потерял отца. Мать трудилась за швейной машинкой, не разгибаясь, и все же не могла обеспечить всем необходимым подрастающих детей... Вот почему ученик Екатеринбургского реального училища Леня Вайнер с пятнадцати лет начал давать частные уроки.

Кое-что может рассказать о нем записная книжка, начатая в 1893 году, когда он учился в четвертом классе. Эта книжка служила ему около трех лет.

Из расписания уроков можно установить, какие предметы изучал пятнадцатилетний Вайнер: это геометрия, алгебра, черчение, физика, история, география, естествознание, русский язык, немецкий, французский. Позднее записаны формулы тригонометрических величин, химические формулы. Есть в книжке чертеж звездного неба с пунктиром воображаемых линий и геометрических фигур, соединяющих созвездия. Есть словарики к переводам с французского и немецкого.

Ежедневно Леонид проводил около пяти часов в школе, каждый день пунктуально выполнял домашние задания. Вечерами бегал по урокам. Редко-редко удавалось сходить в театр, приходилось рассчитывать не только время, но и каждую копейку. А сцена привлекала Леню. Возможно, он даже попытал свои силы в ученическом спектакле, — иначе зачем бы ему переписывать в книжку роль комического персонажа?

Словом, ни для развлечений, ни для отдыха времени не оставалось. В борьбе между «хочется» и «надо» всегда побеждало «надо». Не в эти ли годы выработались воля и чувство долга — ведущие черты характера Вайнера?

Много в записной книжке стихотворений. О них можно бы и не упоминать, если бы сентиментальные эти вирши не свидетельствовали о пылких мечтах юноши и об его попытках осмыслить жизнь.

«Я сам себе бессильный покровитель...»

«И не забочусь я о внешнем блеске, мне все равно, что люди говорят».

«Путем обманчивым самосознания идти опасно всем.

Жизнь дальних звезд — туманное мерцанье — кончается ничем».

Думается, что эти строки были созвучны чувствам юноши, пока он, в поисках смысла жизни, не обратился к серьезным книгам. На последних страницах мы видим список таких книг: «Влияние экономических условий на развитие общества» Энгельса; «Эрфуртская программа»; «Происхождение современной демократии» Ковалевского; «Историческая роль промышленности» Туган-Барановского; «Критические заметки» Струве; очерки различных авторов о положении русской деревни, об экономической жизни Европы, очерки немецкой культуры и т. д.

Все это прочел восемнадцатилетний Вайнер — ученик Пермского технического училища.

Окончив реальное, он поступил в техническое; общее среднее образование его не удовлетворяло, хотел он получить специальность, получить настоящую путевку в жизнь.

На снимке 1896 года мы видим красивого юношу с решительным лицом и уверенной осанкой — таким Вайнер приехал в Пермь, учиться и зарабатывать себе на еду и жилье.

Друзья его матери, Симановские, предложили Леониду стать членом их дружной семьи. Юноша не обременил бы их. Но щепетильный Леонид согласился только на роль домашнего учителя.

Теплые воспоминания сохранились о нем в этой семье.

Требовательный, но в то же время добрый, учитель заинтересовал и воодушевил детей, расположил их к себе. Особенно полюбила его Леночка, которую он, кроме общих предметов, обучал языкам. Никаких хлопот Леонид не доставлял; он избегал чужих услуг, был чистоплотен и аккуратен, как девушка. Леонид не замыкался в себе, охотно поддерживал разговор, любил пошутить; умная улыбка, то ироническая, то добродушная, часто освещала его лицо. Но никогда юноша не откровенничал, ни с кем не делился мечтами и думами, не пересказывал книг, которые читал с таким увлечением.

...Симановские с трудом поверили тому, что Вайнер исключен из училища: «Такого примерного молодого человека! Исключили! За что?»

Они ведь не знали, что Леонид сдружился с высланными из Варшавы студентами, что вместе с ними создал в училище нелегальную группу, и что эта организация раскрыта.

— Что же вы, Леня, будете теперь делать?

— Работать, — ответил он спокойно.

Исключение из училища стало своего рода рубежом, с которого началась жизнь рабочего-революционера.

В течение нескольких лет Вайнер был заводским рабочим, был запальщиком, а затем штейгером на рудниках. Непрерывно вел подпольную работу. Стал большевиком. Все эти

годы усиленно занимался самообразованием. Зорко следил за событиями, за литературой. Знал, что делается в центре, на Урале, за границей.

Однажды Леонид Исаакович упал в шахту, повредил позвоночник... Прикованный на несколько месяцев к постели, он использовал это «свободное время», чтобы пополнить свои, и без того обширные, знания. Мало-помалу Вайнер стал образованным марксистом, талантливым пропагандистом и агитатором.

Эти качества особенно ярко проявились в 1905 году, когда он снова приехал в Пермь. Приняв кличку «Валерий», поступив для вида в часовую мастерскую, он сразу же включился в подпольную работу.

Широкое поле деятельности открылось перед ним.

Вспомним, что в то время на Урале под руководством Я. М. Свердлова и его соратников шла подготовка к вооруженному восстанию.

Этой великой задаче была подчинена и деятельность многолюдной Пермской организации РСДРП, которая пользовалась большим доверием рабочих Перми и Мотовилихи.

...Созданный в дни всеобщей октябрьской стачки совет старейшин в Мотовилихе на глазах Вайнера превратился в Совет рабочих депутатов, стал той силой, с которой вынуждены были считаться не только начальство завода, но и сам губернатор. По требованию Совета он выпустил на свободу членов Пермского забастовочного комитета.

Росла и вооружалась боевая дружина рабочих. Она была разбита на десятки. В одном из десятков состоял Леонид Исаакович. (Револьвер, полученный в те дни, сохранился у него до ареста в 1909 году).

Во время подготовки к восстанию Вайнер с головой ушел в агитационно-пропагандистскую работу. В личных беседах и в кружках разъяснял, что такое социализм, демократическая республика, диктатура пролетариата. Рассказывал о решениях III съезда партии, знакомил рабочих с партийной программой, с тактикой революционной борьбы. Тщательно готовился к выступлениям на многочисленных бурных митингах. Ведь именно митинги были для многих политической школой! Ведь именно на митингах разыгрывались бои с эсерами и меньшевиками, которые уговаривали рабочих «ограничиться за-

бастовками», с либералами-интеллигентами, пытавшимися затуманить головы трудящихся «конституционными иллюзиями».

Вайнер умел передать рабочим свою убежденность, доказать, что интересы рабочего класса противоположны интересам капиталистов и царизма.

— Пусть ваши экономические требования будут удовлетворены, но ведь положение-то ваше улучшится только временно! Коренная перемена наступит тогда, когда свергнем самодержавие. Пока не сбросим царя, а потом и капиталистов с помещиками, от кабалы не избавимся!

Горячая убежденность, знание законов развития общества, логика, острый ум, подмечающий слабость аргументации противника,— все это помогало неизменно побеждать в словесных боях.

Отдаваясь напряженной работе, Леонид Исаакович встречался урывками со своей бывшей ученицей Еленой Симановской, которая работала в то время в аптеке Мотовилихинского завода.

Вайнеру исполнилось двадцать семь лет. На одухотворенном его лице яснее, чем прежде, проступило выражение воли. Под волной густых волос выше и строже казался лоб. Но в облике этого зрелого человека сохранилось что-то юношески-чистое, целомудренное.

Вначале девушке казалось, что она продолжает относиться к Вайнеру, как к любимому учителю,— ведь он снова учил ее... учил жить, бороться. (...«Тогда он занялся выработкой у меня марксистского мировоззрения»,— сказано в автобиографии Елены Борисовны Вайнер). Постепенно и Леонид и Елена поняли, что соединяет их не только общность интересов. Но о любви не говорили. Не время было думать о себе, когда близился час восстания!

В начале декабря прекратились занятия в кружках и встречи с Еленой... Седьмого партийный комитет призвал к всеобщей забастовке; восьмого забастовали железнодорожники; девятого рабочие Мотовилихи вышли с пением «Марсельезы» на улицу. В последующие три дня накал борьбы усилился. Многотысячные митинги все громче, все пла-

менее призывали «на кровавый бой за свободу». Совет стал полновластным хозяином завода, закрыл винные лавки в поселке, разогнал полицию. По улицам патрулировала дружина. Штаб распределил вооруженные десятки по засадам и баррикадам. Сообщение о Московском восстании стало сигналом к выступлению.

Тринадцатого декабря, после боя на заводской территории, после кровавых уличных стычек, восстание было подавлено при помощи казаков и солдат.

Все эти дни Вайнер находился в своем десятке — в патруле, в засаде.

...Начались массовые аресты. Большевики, оставшиеся на свободе, ушли в глубокое подполье.

Леонид Исаакович, тщательно конспирируясь, продержался в Перми еще несколько месяцев. Возобновил занятия в кружках. «При его помощи я вступила в партию», — свидетельствует Елена Борисовна.

Летом шпики стали принюхиваться к нему. Пришлось покинуть город.

Устроился на строительстве Кунгурской железной дороги, но вскоре был уволен «за подстрекательство рабочих». Уехал в Вятку, поступил наборщиком в типографию, организовал «технику».

В 1908 году Вятская партийная организация провалилась, и Вайнер перебрался в Екатеринбург, где охранка еще не знала его.

3

Уездный Екатеринбург успешно соперничал с губернским городом Пермью. Он кичился своими заводами, фирменными магазинами, банками, богатыми домами, принадлежавшими купцам, владельцам заводов, золотопромышленникам, банкирам, горным инженерам. Особый, уральский колорит придавали городу канцелярия и дом горного начальника, гранитная фабрика да магазины с изделиями из драгоценных и цветных камней.

Живописный центр окружали плоские окраинные улицы. Низенькие домишки кое-где послушно расступались, чтобы

дать место заводу или фабрике, а кое-где тесно лепились друг к другу. Центр жил своей жизнью, окраина — своей. Рабочий редко заходил в центр; обитатели богатых домов не показывались в рабочих кварталах, где веяло «крамольным» духом, где ночами на заборах появлялись листовки о том, что «богачи жиреют за счет рабочих».

По-новому взглянул большевик Вайнер на город своего детства.

В детстве он не задумывался над вопиющими контрастами богатства и бедности — сейчас они били в глаза; раньше он не заглядывал в рабочие кварталы Екатеринбурга, мало знал рабочих — теперь же все чувства и помыслы были связаны с судьбой пролетариата; раньше не было в нем протеста против буржуазной культуры — теперь он яростно боролся против ее растлевающего влияния...

В первые же дни Леонид Исаакович, через явку, связался с рабочими Николаем Михайловичем Давыдовым и Петром Захаровичем Ермаковым. Нерадостные вести услышал он. В городе «специфически уральская» безработица. Революционное движение, из-за репрессий, из-за бегства «путчиков», на спаде. Городской комитет арестован.

Но Вайнер убедился также и в том, что вера в партию жива, живы и воспоминания о славном девятисотом году. Бережно хранят рабочие листовку, выпущенную областным комитетом к первому мая: «Она не умерла, освободительница-революция, как не умер рабочий класс — ее носитель, как не исчезли причины, породившие ее».

Хотя городской комитет был арестован, рабочие, не входившие в его состав, остались на местах. Их надо было снова объединить. Вскоре после приезда Вайнер провел беседу с партийными организаторами. На Верх-Исетском заводе, на Монетном дворе (в железнодорожных мастерских), на заводе Ятеса возродились партийные группы. Начали работать кружки.

Леонид Исаакович вел кружок высшего типа, готовил передовых рабочих к самостоятельной агитационно-пропагандистской деятельности. Кружок изучал труды Маркса и Энгельса, труды В. И. Ленина.

Первоначальными же кружками, которые изучали Программу РСДРП, историю классовой борьбы, решения пар-

тийных съездов, руководила в то время невеста Вайнера — Елена Симановская.

В кружке пропагандистов занятия проходили так.

Или обсуждался чей-нибудь реферат, доклад по вопросам теории, или Леонид Исаакович читал лекцию. Потом он задавал контрольные вопросы, подводил итоги обсуждения.

Придавая большое значение конспирации, Вайнер учил, как провести шпика: «Если подозреваешь слежку, остановись, пропусти предполагаемого шпика. Он остановится и будет ждать тебя... а, если скроешься, начнет растерянно искать»; «при условленной встрече с товарищем, не здороваясь, пройди мимо: надо убедиться, не привел ли ты или твой товарищ шпиона»; «подпольщик должен знать все дома с проходными дворами»; «никогда не оставляй нелегальную литературу в открытых местах, прячь ее так, будто именно в эту ночь ждешь обыска».

Пока было тепло, кружок собирался под видом катания на лодках. Поздней осенью и зимой сходились на дому у того или иного рабочего, проживающего на отдаленной улице. Теплой одежды у Вайнера не было. Под дождем и снегом он ходил в поношенном демисезонном пальто, в грубых сапогах. Не удивительно, что в начале зимы начался у него неотвязный кашель. Здоровье его все ухудшалось, но не было случая, чтобы из-за болезни он сорвал занятие.

В кружок он приходил всегда внутренне подтянутым, собранным, полным живого интереса к очередной теме занятия.

Был Леонид Исаакович крайне невзыскательным к жизненным условиям — пище, одежде, жилью, но строго соблюдал опрятность. Пиджак сильно потерт, но всегда вычищен, отглажен; рубашка старенькая, штопаная, но воротничок блестит чистотой.

Вот рассказ Елены Борисовны Вайнер, записанный автором очерка в 1940 году:

«Все помыслы Леонида были устремлены на партийную работу. О себе, о своих удобствах он совсем не думал. В 1908 году он работал наборщиком и жил отдельно от матери.

Представьте полуподвальную комнату: у одной стены кровать, покрытая ветхим одеяльцем, у другой — стол, несколько стульев. Комната опрятна, но бедна. Давит низко нависший потолок. Пахнет сыростью.

Мать Леонида (я остановилась у нее) стала меня упрашивать, чтобы я повлияла на жениха. Неужели он не понимает, что работа наборщика и жизнь в сырой комнате совсем не по его здоровью? Почему он не устроится на другую работу? Почему не переедет к матери?

— Помоги, Лена, убедить его.

Я промолчала, а Леонид сказал:

— Мама! Я не ребенок. Если нужен ребенок, которым можно командовать, возьми в приют.

В первый и в последний раз говорил так резко ее почтительный сын. Мамаша обиделась. А я... я поняла, чем продиктована эта резкость. При всей любви к матери он не мог выполнить ее желания; борьбе с миром угнетения и насилия были отданы все его мысли.

Вскоре до мамашы дошли слухи, что Леонида уволили из типографии... и как-то нехорошо уволили. Она решила узнать, в чем дело. Я помню этот разговор, он происходил в комнате Леонида Исааковича.

Он сказал, что да, уволили, но что ему удалось устроиться в другой типографии.

— А правда ли, что ты уволен за... за...

— За кражу шрифта? Да, мама.

Мне кажется, что тут она и поняла все... Поняла, почему он живет отдельно, и почему не заботится о себе... И для чего понадобилось кристально честному человеку красть шрифт.

Голос отказывался ей служить. Она спросила чуть слышно:

— А о Леночке ты подумал, Леня?

И взглянула на меня, словно спрашивая: знаю ли я, какая жизнь меня ожидает.

Но я-то ведь знала! Я сама уже жила жизнью подпольщика... И к Леониду в тот раз зашла за рецептом гектографической массы. После неудачи с похищением шрифта листовки приходилось печатать на гектографе.

Да, Елена Борисовна знала, что ее ожидает,— не тихая жизнь в домашнем гнезде, а жизнь, полная тревог и опасностей.

Со времени вступления в партию начались скитания. После недолгого пребывания в Казани, где она сдала экзамен на помощника провизора, после Воткинска, куда она приехала с явкой на руках,— Пермь, Глазов, Курьи, Камышлов, Екатеринбург, Невьянск... Преследования, увольнения с работы, а временами жизнь без прописки, на птичьем положении...

Забегая вперед, скажу, что, и поженившись (в 1912 г.), Елена Борисовна и Леонид Исаакович больше года жили раздельно.

«В тот год я ездила в Екатеринбург из Невьянска либо за книжками, либо отвозила желатин, глицерин, краску для гектографа; это нужно было и самому Леониду и для дальнейшей передачи»,—говорится в автобиографии Елены Борисовны.

Словом, встречи с мужем зависели от того, нужна ли для партийной работы поездка в Екатеринбург.

Зимой 1908—1909 года Екатеринбургский городской комитет партии широко развернул работу, установил связь с комитетами городов, заводов и с Центром. Листовки продолжали печатать на гектографе; Вайнер составлял, Давыдов печатал. В ноябре районы уже получили прокламации.

А между тем над организацией собиралась гроза. В ряды подпольщиков пробрался провокатор — массажист, сын торговца.

В феврале 1909 года городской комитет обсудил вопрос о созыве областной конференции и о сборе средств на оборудование «техники». Выпустили листовку «Ко всем рабочим». В ней говорилось, что, несмотря на разгул реакции, работа социал-демократов оживилась. Листовка призывала рабочих объединиться под знаменем РСДРП.

Восьмого марта состоялось собрание Екатеринбургской организации с участием представителя Центрального Комитета Семена (Шварца). Заслушали отчеты подрайонов, вырабатывали порядок дня Уральской областной конференции, назначенный на 28 марта.

Узнав об этом, охранка использовала удобный момент: захватила не только членов комитета, но и представителя ЦК и приезжих делегатов. Провокатор сумел раздобыть адреса квартир.

В ночь на двадцать восьмое согнали всех пеших и конных стражников, всех жандармов,— устроили облаву. Арестовано было около сорока человек. Всю ночь шли обыски.

Н. М. Давыдов вспоминает, что, когда его привели в полицейский участок, где во всех комнатах группами сидели арестованные, он встретил здесь и Леонида Исааковича. Тот был изнурен болезнью, но совершенно спокоен.

«Нас разбили по отдельным тюрьмам, видимо, боялись, как бы мы не провели нашу конференцию в заключении,— рассказывал Давыдов.— Часть товарищей сидела в Перми, часть — в Камышлове. Мы с Вайнером попали в Екатеринбургскую тюрьму, в одну камеру. Но сидели вместе недолго. Он вскоре слег, и его перевели в госпиталь.

В то время в Екатеринбургской тюрьме отбывал крепость Я. М. Свердлов. Мы его хорошо знали и глубоко уважали: он вел нас на борьбу с самодержавием в 1905 году. Андрей установил с нами связь, научил, как держаться на допросах. Охранка хотела создать громкое дело, но это у нее не получилось. Вместо каторги мы получили административную ссылку.

Вайнер в камеру не вернулся. В надежде на близкую смерть, его выпустили из госпиталя на свободу».

Леонид Исаакович выжил!.. Хотя и страдал кровохарканьем, хотя и был так слаб, что не мог сделать десяти шагов.

После выхода из тюрьмы он находился под гласным надзором полиции. Даже на кумыс в Бишкек уехал летом в сопровождении шпика, который, поселившись в соседнем доме, глаз не спускал с Вайнера, целыми днями торчал на крыльце.

А Вайнер лежал в гамаке и читал запоем.

«Я видел, что он подыхает от тоски,— рассказывал потом невесте Леонид Исаакович.— Я наслаждался его страданиями. Мне-то нужны были и солнце, и гамак, и книги».

Мало-мало поправившись, Вайнер возвратился в Екатеринбург и поступил корректором в издательство.

И произошло непостижимое: поднадзорный революционер возобновил подпольную деятельность в том же городе, где был арестован. И продолжал ее до Февральской революции, вплоть до выхода партии из подполья. Умело конспирируясь, он ни разу не подвергся аресту.

4

Подготовка к Пражской партийной конференции, кампания перед выборами в IV Государственную думу, организация стачек, восстановление и укрепление партийных комитетов, использование легальных организаций для конспиративной работы,— во всем этом активно участвовал Вайнер.

Менялся состав партийных руководителей в Екатеринбурге, изменялись условия и обстоятельства, а основным содержанием жизни Леонида Исааковича оставалась страстная пропаганда, пламенная агитация.

Сильного духом не страшили опасности, не обескураживали неудачи и прорывы. После каждого опустошительного набега охранки он снова и снова начинал собирать силы. Верил, что это не бесплодный Сизифов труд, а дело, которое непременно завершится победой.

Такой же веры в победу, такой же готовности отдать всего себя делу партии он требовал и от товарищей. Вот что рассказывает об этом Н. М. Давыдов:

«Наконец, я возвратился из ссылки в Екатеринбург. Конечно, ехал с мыслью возобновить подпольную работу. Меня мучало нетерпение, я сразу же пошел искать Вайнера... Мы встретились с ним на дороге, случайно. Поздоровались. Он строго спрашивает: «Думаете ли **вы** работать в подполье? Или ссылка отбила у **вас** охоту?» Я ответил: «Буду!» Леонид Исаакович просветлел, сказал задумчиво: «Мы **тебя** ждали!» — и сразу начал вводить меня в курс дел».

В годы общего революционного подъема Екатеринбургские большевики, налаживая связи, насаждая и укрепляя партгруппы, вели острую борьбу против идейных врагов. В том, что эти враги не смогли добиться значительного влия-

ния на массы, есть бесспорная заслуга Вайнера. Он умел доказать рабочим, что ликвидаторы, стремящиеся враспе в столыпинский режим,— предатели рабочего класса... так же, как отзовисты, ультиматисты с их «левой фразой».

Говоря об использовании легальных организаций, можно привести в пример работу Вайнера в библиотеке общества потребителей. Будучи библиотекарем, он широко распространял нелегальную литературу. Стоит на полке книга в переплете: «Великий Сибирский путь»... а перелистав несколько страниц, увидишь, что за чужим заголовком спрятан труд Ленина: «Развитие капитализма в России». Или возьмешь том Куприна, а внутри найдешь «Коммунистический манифест».

Когда Вайнера избрали в правление профсоюза торговых служащих, он и здесь использовал каждую возможность...

Однажды он проводил собрание кооператоров. Надо было добиться решения о кооперативном празднике. Под видом этого праздника предполагалось отметить Первое мая: на гулянии в Харитоновском саду провести в глухих уголках летучие митинги.

Вдруг встал один меньшевик и начал доказывать, что гуляние устраивать не к чему. Кооператоры заколебались... Тогда Вайнер взял да и лишил его слова.

И, хотя некоторые из собравшихся стучали, топали, требовали дать слово, Вайнер отрывисто, упрямо твердил:

— Не дам! Я председатель!

И убедил-таки. Все проголосовало за «гуляние».

Не умаляя роли видных борцов за «страховое дело» — И. М. Малышева, Н. М. Давыдова, А. И. Парамонова — можно с уверенностью сказать, что в предвыборной борьбе большую пользу принес и Вайнер. Талантливый полемист, он наголову разбивал меньшевиков, которые не хотели, чтобы руководящая роль в больничных кассах принадлежала рабочим и чтобы кассы стали прикрытием большевистской работы.

Страховая кампания завершилась победой. Так, в рабочую часть правления кассы на Верх-Исетском заводе вошли большевики, и касса эта стала своего рода штабом революционной борьбы. В помещении ее проходили партийные собрания.

Многим памятно блестящее выступление Вайнера в июне 1914 года, когда на полуострове Гамаюн собралась многоядная массовка, чтобы заслушать отчеты депутатов думы — большевика Муранова и меньшевика Хаустова. Леонид Исаакович умело использовал отчет Хаустова. Он стал приводить конкретные факты из этого отчета, резко комментируя их, и как на ладони показал предательскую тактику меньшевиков!

Неутомимым пропагандистом Вайнер оставался и в годы империалистической войны. В кружках Верх-Исетского завода, железнодорожных мастерских, завода Ятеса выращивал партийные кадры.

Вместе с другими товарищами успешно боролся за интернационалистскую позицию, разоблачал оборонцев, социалшовинистов, разъяснял вредоносные лозунги «защиты отечества» и «гражданского мира», призывал к превращению империалистической войны в гражданскую.

В 1916 году Екатеринбургская группа большевиков, во главе с Малышевым и Вайнером, через областные партийные совещания координировала подпольные силы Урала. Руководила стачечной борьбой. Возглавила бойкот военно-промышленных комитетов. «Наказ выборщикам» был написан Малышевым и Вайнером.

После того, как большевики разъяснили массам, что даже само наличие «рабочей группы» в военно-промышленном комитете создает авторитет этой буржуазной, милитаристской организации, от выборов отказались рабочие Верх-Исетского завода и некоторых других предприятий.

Под влиянием городского комитета находилось семь больничных касс. Большевики работали в профсоюзах, в «комитете помощи беженцам из западных областей», в обществе потребителей, в лавочных комиссиях.

В автобиографии Елены Борисовны Вайнер говорится:

«Мы, члены лавочной комиссии, собирали солдаток — членов общества потребителей, беседовали о войне, писали письма на фронт по их поручению. По безграмотности многих имели возможность писать истину, вкладывать листовку¹. Зи-

¹ Листовки «Письмо на фронт» и «Письмо солдатам» составлены Малышевым и Вайнером.

мой — елка, летом — Первое мая, служили поводом для сбора женщин. Связь с грамотными продолжалась через библиотеки. В эти же годы я включилась в работу беженского комитета. Здесь мы, коммунисты, имели возможность снабжать (под видом беженцев) товарищей, бежавших из тюрем и ссылок, паспортами, одеждой, посылать на работу туда, куда надо было послать революционера-профессионала... В 1916 году, когда среди группы беженцев были аресты, мой муж и я подверглись обыску, но все было заблаговременно спрятано».

На пятнадцатое января 1917 года была назначена областная партийная конференция, но она не состоялась. В ночь на пятнадцатое охранка произвела обыски и аресты. У Вайнера ничего компрометирующего не нашли, сч остався на свободе. Иван Михайлович Малышев попал в тюрьму, так как у него нашли заявление рабочих, выражавшее протест против милитаризации труда. Рабочие заявляли, что они считают войну не освободительной, а разбойничьей.

5

Когда пытаешься представить короткий отрезок времени между февралем и октябрём, поражает калейдоскоп событий, быстрое их чередование...

После Февральской революции И. М. Малышев стал председателем городского комитета партии, а Вайнер возглавил агитационно-пропагандистскую работу горкома.

В эти весенние месяцы дружно подымались всходы семян, посеянных в годы подполья. В середине апреля на Первую Свободную Уральскую партийную конференцию, руководимую Я. М. Свердловым, съехались представители шестнадцати тысяч большевиков, готовых идти в бой за Лениным. Рост рядов партии с новой силой продолжался после конференции.

Соответственно ширился и объем пропагандистской работы. И, хотя в ней участвовали такие выдающиеся деятели, как Н. Г. Толмачев и Я. С. Шейнкман, требовалось огромное напряжение сил, чтобы вооружить идейно, сплотить и повести за собой широкие массы.

Внимания требовали и заводские ячейки, и Союз молодежи, и бурно растущие профсоюзы (роль которых меньшевики пытались свести только к «защите экономических интересов»), и солдатская масса гарнизона, еще зараженная влиянием эсеров.

Мгновенного отклика требовали такие события, как нота Временного правительства о «войне до победы», как образование коалиционного министерства, в состав которого вошли предатели — меньшевики и эсеры, как выступление Корнилова, грозящее установлением военной диктатуры. Необходимо было возглавить стихийную борьбу рабочих против буржуазии, в руках которой в период двоевластия находились и горное управление и бюро союза горнопромышленников и военно-промышленный комитет.

Направлять классовую борьбу в нужное русло было значительно легче, пока Екатеринбургским Советом руководили большевики... Но в мае, после областного съезда Советов в Перми (на нем численно преобладали меньшевики и эсеры), Екатеринбургский Совет был переизбран по требованию распропагандированных эсерами солдат.

«Мы оказались в меньшинстве, — вспоминал Давыдов, — но все же депутаты приняли наш наказ, наказ, составленный большевистским комитетом».

...Перелистываешь сборник документов, встречаешь знакомые имена и словно вдыхаешь жгучую атмосферу того времени...

Вот сообщение об организационном собрании профсоюза металлистов. Председатель — Загвозкин, секретарь — Вайнер, докладчик — Малышев... Выступив в прениях, «Л. И. Вайнер говорит о том, какие существуют способы борьбы рабочих с капиталистами. Все способы борьбы он подразделил на два вида: мирные (примирительные камеры, третейские суды, коллективные договоры) и боевые (стачки, бойкот). Свою речь закончил призывом — объединиться в мощный профессиональный союз».

Резолюция Екатеринбургского Совета «по текущему моменту» (31 июля) обличает контрреволюционную сущность Временного правительства, требует создания правительства народного, демократического; гневно протестует против восстановления смертной казни, против травли и арестов вождей

пролетариата, против гонений на рабочую печать... «Совет, наконец, протестует и возмущается тем, что Государственная дума и Государственный совет, эти организаторы контрреволюции, до сих пор не уничтожены, что вожди их — пуришкевичи, марковы, родзянки — до сих пор не арестованы и свободно ведут свою черную контрреволюционную работу».

Эта резолюция, предложенная фракцией большевиков, принята огромным большинством, принята в то время, когда в Совете численно преобладали соглашатели!

Можно не только предположительно, а со всей уверенностью сказать, что в ее составлении участвовал Вайнер, — ведь он был тогда членом большевистской фракции.

Леонид Исаакович работал в трудовой секции Совета и в конфликтной комиссии, или, как попросту говорили, «заведовал забастовочными и конфликтными делами».

Много сил положил он, борясь за введение рабочего контроля, которому сопротивлялись предприниматели. Разъяснял рабочим задачи классовой борьбы, подготавливал их к мысли о национализации предприятий, к решительной схватке с буржуазией.

Стачки, начинавшиеся с экономических требований, все чаще превращались в политические.

Первого сентября, в день всеуральской политической стачки, в Екатеринбурге бастовало свыше двенадцати тысяч человек. Город как бы застыл в грозном молчании...

Вскоре на выборах в городской Совет большевики получили две трети депутатских мандатов.

Вспоминая об этих бурных месяцах, Елена Борисовна рассказывала:

«После VI съезда партии Леонид много времени и сил отдал пропаганде решений съезда. В помощь делегатам, выступающим с отчетами, все пропагандисты разъясняли народу экономическую платформу большевиков, вопросы национализации банков, промышленности, земель... Ориентировали на подготовку к вооруженному восстанию. Каждый коммунист чувствовал всю глубину ответственности, которую возложил Центральный Комитет на Уральскую партийную организацию: в случае неудачи в Петрограде и Москве борьбу за свержение Временного правительства должен начать Урал!

Леонид пламенно верил в победу. Когда один из товарищей

в личной беседе выразил сомнение в успехе восстания («Едва ли мы с этим делом справимся!»), Леонид Исаакович, — что с ним редко бывало, — утратил выдержку, вспылал: «Так может говорить либо трус, либо изменник!»

6

Мечта его жизни сбылась, социалистическая революция победила! Преобразования, происходившие при его участии, радовали и окрыляли. Приверженность к Советской власти пролетариата города и деревни росла с каждым днем. Крепла, набиралась сил Красная Армия. С неодолимой силой шла национализация предприятий и свои, рабочие люди учились ими управлять. Открылся народный университет, и в марте 1918 года число слушателей достигло почти четырех тысяч. Открылся Уральский рабочий политехникум.

Такова реальная действительность. А впереди — поставленная В. И. Лениным задача: строительство Урало-Кузбасса (Уральско-Кузнецкого промышленного района)...

Победы окрыляли, но не притупляли бдительности.

Большие усилия требовались в борьбе с явными и тайными врагами. Вот раскрыт заговор горнопромышленников, а уже зреет заговор монархистов, стремящихся освободить бывшего царя. Вот кулачье зашевелилось в деревне... Вот разбит атаман Дутов, но на смену ему явился враг более грозный, — международная интервенция в сообщничестве с российской белогвардейщиной...

Леонид Исаакович работал неутомимо, с удвоенной энергией: как будто и не грыз его туберкулез, не напоминало о себе болью в позвоночнике давнишнее падение в шахту, как будто не мешала почти полная слепота левого глаза, наступившая мгновенно, во время сильного приступа кашля.

На пятом листе паспортной книжки Вайнера читаем:

«Подвергался 9 августа 1917 года в Екатеринбургском уездном по воинской повинности Присутствии поверочному освидетельствованию и признан совершенно неспособным к военной службе».

На последнем фотоснимке Вайнера мы видим худого, изнуренного, уже немолодого человека с напряженным взгля-

дом и крепко сжатыми губами. Этот взгляд, все лицо красноречиво говорят о силе духа Вайнера, об яркости неустанного горения. Как будто идеи коммунизма, глубоко прочувствованные и усвоенные, стали не только непоколебимой основой его мировоззрения, но и стимулом, источником душевных и телесных сил.

В начале гражданской войны, когда грозная опасность нависла над рабочим Уралом и члены областного комитета партии — Малышев, Толмачев и другие ушли на фронт, «неспособный к военной службе» Вайнер вступил в партийную дружину. Ежедневно по утрам отправлялся он в сад общественного собрания на военные занятия. Нелегко ему было с большими легкими, с большой спиной делать перебежки, ползать по-пластунски, упражняться с тяжелой винтовкой, однако он не отставал от других.

После военных занятий Вайнер шел в обком партии, где работал секретарем, затем в партийную школу читать лекции. Выкраивал часок, чтобы просмотреть гранки газеты «Железнодорожник», которую редактировал. Во второй половине дня шли заседания, митинги, разнообразные текущие дела.

Сдержанный, несколько суровый, Леонид Исаакович обладал горячим отзывчивым сердцем. Как заботился он о семьях товарищей, ушедших на фронт! Сколько к нему шло людей за советом, за поддержкой, с недоуменными вопросами! И каждый уходил удовлетворенным.

Вайнер был почтительным сыном, верным любящим мужем, преданным другом и товарищем. Но личное он всегда подчинял общественному. Впрочем, «подчинял» — не то слово... Едва ли было необходимо сознательное волевое усилие. Лучше сказать: «Общественное преобладало над личным».

Елена Борисовна рассказывала:

«Только тогда, когда он убедился, что я твердо решила идти по революционному пути и в этом вижу смысл жизни, мы соединились.»

И еще один пример...

Из всех друзей Вайнера самым близким, самым дорогим был Иван Михайлович Малышев. Весть о том, что Малы-

шев убит, потрясла Вайнера до глубины души. На траурный митинг он шел с сознанием невосполнимой утраты... Но вот что сообщает Елена Борисовна о его выступлении на митинге:

«До мелочей помню собрание, посвященное памяти нашего дорогого Ивана. Его все страшно жалели — и как руководителя и как товарища. Осталась молодая жена, маленькая дочка...

Почтили память вставанием. Оркестр заиграл «Вы жертвою пали», и мы присоединили свои голоса к оркестру. Потом начались речи. Товарищи говорили, что марксизм был живым содержанием жизни Малышева, перечисляли его революционные заслуги, проводили параллель между Малышевым и Володарским, которого схоронили в день гибели Ивана.

Многие плакали.

Наконец, выступил Леонид, мертвенно бледный и внешне спокойный. Он обвел взглядом собравшихся и вдруг сказал:

— Плакать не время, товарищи!

Это всех поразило. В зале наступила полная тишина. А он продолжал с пламенной убежденностью:

— Мы не грустить должны, а должны сомкнуть ряды в борьбе, жертвой которой стал Иван. Иван с его нежным, мягким сердцем умел быть беспощадным, когда этого требовал долг. Стержнем его жизни была борьба за идею... Пусть на этом примере учатся другие. Пусть имя его ведет на борьбу, как вел сам Иван!»

7

Прежде чем приступить к рассказу о последних днях жизни мужа, Елена Борисовна привела автора этих строк к дому на улице Карла Либкнехта, где они жили перед уходом на фронт. (Судя по отметкам в паспорте, Вайнер проживал здесь, по Вознесенской 27, неоднократно).

Мы даже вошли в квартиру, и Елена Борисовна, волнуясь, указала на окно, возле которого они сидели в бессонную ночь перед отступлением, на угол, где тогда стояла его винтовка, и на место, где был книжный шкаф.

— Смотрите, до сих пор тот же абазур!
Ее голос, сохранивший до старости юношеский серебристый оттенок, вздрагивал и прерывался.

Шестнадцатого июля Вайнер, вернувшись домой, сказал жене, что, по сообщению командующего фронтом, Екатеринбург может продержаться дня три, не больше. Захватив Челябинск, интервенты двинулись по трем направлениям: на восток — к Кургану, на запад — к Златоусту, на северо-запад — к Екатеринбург.

— Они идут к нам от Бердяуша, через Назепетровск... и, если успеют захватить Кузино, это помешает эвакуации.

— Неужели сдадим город, Леня?!

— Надо трезво смотреть, — ответил Вайнер. — Хорошо уже то, что мы пока сдерживаем их напор. Такую силу сдерживаем! Не унывай. Сдать город еще не значит признать себя побежденными; Наполеон, вон, Москву брал! Партия разбудила народную силу, а уж когда народная сила пришла в движение — ее ничто не остановит.

Помолчав, добавил:

— С утра, Леня, пойдем в казарму... совсем.

Вайнер и его жена состояли в Коммунистическом отряде: она в качестве сестры милосердия, он — рядовым бойцом.

Товарищи пытались убедить Леонида Исааковича, что он нужен для работы в штабе; однако он резко отказался: «В штабе должны сидеть люди, искушенные в военном деле. Мое место в рядах бойцов». Елена Борисовна так объяснила его решение: «Леонид не умел поддаваться панике, и он полагал, что сумеет словом и примером воодушевить того, кто начнет колебаться».

— Первому батальону Уральского обкома партии придется выступить в Кузино, Леня.

Вайнер взял стоявшую в углу винтовку и начал чистить и смазывать ее. После долгого молчания проговорил угрюмо:

— Областной Совет решил расстрелять Романова.

— А как же суд?

(В последних числах июля должен был состояться открытый суд над бывшим царем.)

— Времени для суда не осталось.
— А разве нельзя эвакуировать Николая?
— Риск велик. Представь, перехватят его интервенты... или заговорщики?.. Охрана опять нашла новую записку: «Час освобождения настал. Дни узурпаторов сочтены». Нет, иного выхода не осталось.

Вайнер поставил винтовку на место и подошел к книжному шкафу. Распахнул дверцы и с минуту смотрел на аккуратные ряды книг.

Перед отступлением надо было спрятать свое единственное богатство: партийную литературу, философские труды, книги по истории и естественным наукам.

Несколько дней назад он устроил тайничок под полом передней. Сейчас при помощи жены уложил в тайник книги, опустил на место половицу, заправил под плинтус кромку линолеума.

Муж и жена сели у раскрытого настежь окошка.

— Сегодня возможны всякие случайности,— предупредил Вайнер.— Если заговорщики узнают о решении Совета... сама понимаешь... Могут напасть.

Замолчал, чутко прислушиваясь... Дом, где жил под арестом бывший царь, стоял всего за два квартала.

Изредка слышался звук поспешных шагов. Время от времени проезжал патруль. И снова наступала тревожная тишина.

Вдруг послышался рокот мотора... затих... раздался снова—тревожный, трескучий... Это работал мотор грузового автомобиля.

Через некоторое время рокот мотора приблизился. Мимо окна стремительно промчался грузовик. В городе по-прежнему было тихо.

Когда начало светать, Вайнер поднялся с места и, обняв жену, сказал:

— Пора идти...

Вот и прошли последние часы наедине. Ни в казарме, где они пробыли больше суток, ни по дороге на вокзал Елене Борисовне не удалось перемолвиться с мужем. А на вокзале, где особенно чувствовалась сутолока эвакуации, он подошел лишь для того, чтобы сказать, что отправка задерживается.

Бойцы, расположившись вдоль линии, пообедали. Близился вечер. А посадки все не было. Вайнер нервничал... Вместе с командиром отряда обращался к начальнику станции, к начальнику эвакуации, безуспешно требуя немедленной отправки. Наконец раздалась долгожданная команда, бойцы погрузились, и поезд тронулся. Вайнер повеселел, оживился. С ясным лицом он глядел на удаляющийся, окутанный пыльной дымкой город.

«Прибыв на станцию Кузино, по приказанию командующего авангардом Георгенбергера, батальон выслал в сторону Дружинино разведроту,— вспоминает старый коммунист А. И. Парамонов.— Едва рота прошла семафор, станция Кузино была обстреляна артогнем. Рота вернулась, погрузилась. (Я был с этой ротой.) Георгенбергер приказал двинуться в сторону Кунгура. Доехали уже утром до станции Сабик и выслали роту в заставу, на переезд... В роте был Леонид Вайнер.

На другой день на заставу с Сабика был доставлен обед. Во время обеда чешский бронепоезд артиллерийским и пулеметным огнем рассеял роту. Больше недели возвращались солдаты большими и малыми группами в батальон. Вайнер не пришел...»

...Первые дни Елена Борисовна все ждала, что вот-вот появится муж. Жадно расспрашивала возвратившихся бойцов. Ей рассказывали, что в первый день пребывания в заставе Леонид Исаакович ходил с бойцом Зубаревым в разведку. Вернувшись, получил приказ выставить секрет у проселочной дороги; там провел ночь. Кто-то якобы видел, как во время обстрела заставы Вайнер выбежал из леса, стрелял с колена.

Неделя мучительной неизвестности... И уже далеким-далеким казалось то утро, когда рота уходила в заставу и Елена Борисовна провожала взглядом мужа, стоя в дверях теплушки. Почувствовав ее взгляд, он обернулся. «Ну, иди, иди!—сказал махнув рукой и улыбнувшись.—Иди, поспе пока!»

Полоса газеты
«Красный отклик»,
извещающая
об освобождении
Екатеринбурга

Неужели она в то утро в последний раз видела мужа живым? Елена Борисовна гнала прочь эту мысль. «Он ранен, но жив!» — твердила мысленно она. Постепенно росла уверенность в том, что можно найти мужа и его раненых товарищей.

Двадцать седьмого июля полевой штаб вручил ей удостоверение: «Дано сие от штаба товарищу Вайнер, направляющейся для расследования и выяснения исчезнувших Екатеринбургских коммунистов».

И начались розыски на передовой и в окрестных селениях, в лазаретах... Она разыскивала, пока не иссякли силы и пока болезнь не свалила ее.

В январе 1919 года Елену Вайнер вызвали в Москву, на работу в информационный отдел Центрального Комитета партии.

Только в июле вернулась она в Екатеринбург; вернулась в числе первых партийных работников, прибывших на освобожденную от Колчака территорию.

— Я надеялась найти Леонида. Верила, что он жив, и что весь этот год работал в большевистском подполье.

8

Сразу же после освобождения в Екатеринбурге начали возрождаться партийные организации и советские учреждения.

Фронт с каждым днем отдалялся, но дыхание его еще чувствовалось в городе. По ночам разъезжали патрули. На выездах стояли заставы. Рабочие обучались военному делу. Раненые, находившиеся в госпитале, жили мыслями о фронте.

Как раз против госпиталя, там, где сейчас скрещиваются проспект Ленина и улица Карла Либкнехта, висела на двух врытых в землю столбах карта... Линия фронта была наметчена на ней красной лентой. Ленту передвигали в соответствии с полученными сведениями. В конце июля она отодвинулась от Уральского хребта и пролегла по зеленому пространству, — наши войска спустились на Сибирскую равнину!

Радость победы омрачалась лишь скорбью о погибших. Первый номер возрожденной газеты «Уральский рабочий» целиком был посвящен памяти товарищей, павших в боях против интервентов и белогвардейцев. Газета рассказывала о их подвигах, в ней напечатано было полное сурового высокого и пламенного энтузиазма стихотворение: «Не плачьте над трупами павших борцов, слезой не скверните их прах. (До конца жизни это стихотворение напоминало Елене Борисовне слова мужа: «Плакать не время, товарищи!») Был приведен и рассказ очевидцев героической смерти Вайнера.

Враги, окружив бойцов, сгруппировавшихся вокруг Вайнера, потребовали: «Где ваш комиссар? Где Вайнер?» Он не был комиссаром, но он сказал: «Это я, Вайнер». Бойцы шептались ему: «Беги!» — «Не побегу», — ответил он и, обратившись к врагам, сказал: — Стреляйте».

Почему он так поступил? Почему не попытался спастись? Это «стреляйте» не могло быть порывом отчаявшегося человека, — не таков был Вайнер. Он не хотел спастись ценой гибели бойцов, оставить их одних на пытки.

...В августе Екатеринбургский ревком послал на розыски тела группу товарищей. Трудная это была задача. Со дня смерти прошло более года, — тело едва ли сохранилось. И все же один из командированных, бывший боец Рогожников, нашел.

От станции Кузино Рогожников пошел пешком вдоль линии, по направлению к Сабику. Шел, расспрашивал путеобходчиков, случайных встречных и рабочих, ремонтировавших путь.

Никто ничего не знал.

Он уже начал отчаиваться, как вдруг один из ремонтных рабочих сказал:

— Стойте-ка, ребята! А не того ли он коммуниста ищет, которого мы зарыли?

Найдя истерзанное тело, рабочие догадались, что это — останки коммуниста: «Видимо, стойкий был, раз над ним так издевались!» Опознать убитого было невозможно: труп обезглавлен, документов не осталось, лежал в нижнем белье... Осмотрев белье, увидели вышитые метки: «Л. В.» Вырыли яму, опустили обернутое рогожей тело, залили из-

вестью, зарыли... А чтобы найти потом эту временную могилу, на коре вековой ели вырубили буквы: «Л. В.»

— Мы думали, воротятся наши, будут искать, — мы и укажем!

Десятого августа, как только был изготовлен цинковый гроб, Елена Вайнер с товарищами отправилась за телом мужа.

С поезда сошли на разъезде. Рогожников уверенно повел их вдоль линии, затем углубился в лес.

Обессиленная горем Елена Борисовна шла с трудом. День был томительно жаркий, безветренный. Путь казался бесконечным... Но вот Рогожников остановился и тихо сказал:

— Здесь.

Перед Еленой Борисовной высилась старая ель с буквами «Л. В.» У подножия лежала давно поваленная бурей сосна. Рыжая вершина ее тонула в густом малильнике. Вглядываясь в изрубленный ствол сосны, она увидела прядь темных волос, запутавшуюся в трещинах коры. Дрожащими руками разломала кору, достала прядку.

Товарищи бережно, осторожно стали разрывать могилу.

В жаркий душный день 14 августа к Екатеринбургскому вокзалу, в здании которого был установлен гроб Вайнера, шли колонны рабочих, бойцов, коммунистов, молодежи.

Некоторое время густая толпа стояла в молчании. Но вот соратники Вайнера по подпольной работе вынесли тяжелый, наглухо запаянный гроб. Приглушенно зазвучал оркестр, и запел хор коммунистов: «Вы жертвою пали»... Шествие началось. Его открывала вереница венков и приспущенные в знак скорби знамена.

По пути в процессию вливались новые колонны. «Виднелось море обнаженных голов и лес штыков красного воинства», — писала потом газета. Провожая Вайнера, многие вспоминали и своих близких, чьи могилы безвестны.

Шли по тем же улицам, по которым год назад проходил Вайнер. У клуба, где был сборный пункт отряда, останови-

лись. Было произнесено несколько речей, кратких, прочувствованных. А у открытой могилы выступило много ораторов — представителей партии, Советов, армии...

«Красный смотр закончился громовым салютом. Бойцу революции Вайнеру были оказаны воинские почести».

Многое напоминает нам о герое подполья и гражданской войны, об учителе уральских рабочих — Леониде Исааковиче Вайнере...

Это вечный огонь у братской могилы, где он покойся; это название одной из центральных улиц и сад его имени, где Вайнер проходил военное обучение; и здание ТЮЗа — сборный пункт отряда; и, наконец, материалы, документы, хранящиеся в партархиве и в музее.

Но самый глубокий след, оставленный Вайнером, — это люди, воспитанные им, люди, хранящие чистоту нравственных идеалов, сознание долга и ответственности.

Преданное служение великому делу облагораживает душу человека, формирует высокоморальную личность.

Н. ПОПОВА

